

ПРАВОСЛАВИЕ И ПРАВОСЛАВНОСТЬ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Т. Н. Арцыбашева

*Доктор культурологии, профессор,
Курский государственный университет,
г. Курск, Россия*

ORTODOXY AND ORTODOX CONSCIOUSNESS IN POST-SOVIET RUSSIA

T. N. Artsibasheva

*Doctor of Cultural Studies, professor,
Kursk State University,
Kursk, Russia*

Summary. This article is devoted to the peculiarities of the post-Soviet Orthodox consciousness, its speculative character, social selfishness and cultural specificity.

Keywords: religious confession; Russian Orthodox Church; traditions; values and moral principles.

Массовое знакомство с верой, начавшееся в России в 90-е гг. XX века, имело свои особенности, став в значительной мере интеллектуальным и идейным явлением. После десятилетий атеистического засилья соотечественники разглядели Православие умозрительно, восхитившись его древностью, красотой и масштабами [3, с. 16]. Не случайно интересом к церковному учению и традиции оказались охвачены, как правило, образованные горожане, а Русская православная церковь приобрела *«характер постсоветского сакрального символа русскости, русской духовности и единства, потребность которого с годами не уменьшается, а увеличивается»* [1, с. 13–14].

Вероятно по этой причине россияне, заявивших себя «православными», значительно больше тех, кто считает себя «верующими». *«В 1991, 1993 и 1996 гг. первыми назвали себя 34, 43 и 36%, вторыми, соответственно, 23, 32 и 34, ..., в 2005 г. к православным отнесли себя 79%, в том числе – 92% верующих, 88% колеблющихся, 39% неверующих и 22% атеистов»* [2, с. 111–112], и далеко не все из опрошенных посещали и посещают храмы из внутренних побуждений.

Так каков же он, наш православный современник? Чем обусловлен его религиозный выбор и что различает в нём сторонний взгляд?

В 90-е годы XX в. религиозное исповедание редко воспринималось фактом нравственного и организационно-го «делания», мотивированного духом

служения, труда и согласия. Церковность открылась «постсоветским неофитам» как система утверждений, запретов и правил. За «горение веры» принималась интеллектуальная жажда и желание обучиться другой, не советской логике вещей. И хотя были и те, кто приходил в храм промыслительно, «точка призыва» как максимальной совестной восприимчивости быстро исчезала, поскольку в церковном кругу действовал вектор нацеленности на интеллектуальную и поведенческую компетентность. В пылу перестроечной критики «постсоветикус» рьяно отрицал прежнюю действительность, но сил и зрелости для новых, самостоятельных решений не доставало, паническая неуверенность и боязнь личной ответственности порождали стремление отдать себя в полное ведение духовника или аскетической системы. И это на фоне сохраняющегося позитивистского убеждения, что «знание есть сила», меняющая мир [4, с. 8].

Ошибка постсоветского «церковного возрождения» в том, что там, где человека застал Божий призыв, где реальная жизнь стучалась к нему через близких, работу, материальные затруднения, общественные и политические коллизии, он прятался от нее, наклеивая на всё ярлык «бездуховности» и предпочитая мир отвлеченно благочестивой, выхолощенной норме: в конце концов на свет *«выползло и успело неплохо устроиться» неустребимое эгоистическое «я»* [7, с. 9]. Православность и ее элементы были

приняты на вооружение вовсе не потому, что человек стал служить Господу, а оттого, что отечественная жизнь сохранила свои вековые устои, и ее очередной разворот проходил в привычном культурном пространстве. Именно в этом – отличие религиозности как культурного и социального феномена от религиозности настоящей.

Православное просветительство должно было в первую очередь озаботиться налаживанием элементарных культурных связей, постепенным поступательным возвращением человека к тем навыкам и свойствам души, по которым больше всего ударили годы советской системы: инициативе и личной ответственности, подлинному, а не коммунистическому коллективизму, чувству хозяина, семейственности, открытости, честности, служению.

Современная «православность» – чаще всего типичный психологический продукт [6, с. 32], церковные интересы – форма самореализации, компенсаций, проекций... Православие очевидно вырождается в сугубо земной феномен центрированной на себе «православности». На первый план в восприятии мира выступили «экзистенция» и «импрессия» как наиболее ценные по сравнению с универсальными, в том числе и метафизическими категориями. Культурно это выражается в том, что на место догмата и канона пришли афоризм, каламбур и постмодернистская вакханалия как продукты частного самовыражения и оригинальности тех, кто в глубине души продолжает верить, что человек произошел от обезьяны [7, с. 11].

Сегодня в церкви всё более актуализируются культурно-мировоззренческие проблемы. Ведь иконы в доме, освященный автомобиль, литургия по воскресеньям, увесистые тома святых отцов в книжном шкафу, церковные друзья и подруги, «православные разговоры» о том, что Христос действительно был, что наступит конец света, что Господь иногда помогает, а может и наказать, – лишь оболочка того, что называют «воцерковленностью». Такая воцерковленность никак не касается мотивов и желаний, мыслей, поступков и решений, над которыми продолжает

царствовать «*житейская мудрость*» и «*свой интерес*» – ведь «*сегодня иначе не проживешь*» [6, с. 38]. Русскому православному обществу не хватает того духовного реализма (как, например, в жизни и духовном наследии современного греческого старца Паисия Святогорца) [6, с. 9], который дал бы толчок подлинно живому и действительному церковному возрождению, уберег от опрометчивого ниспровержения старого строя, образа мыслей, положительных жизненных ценностей, настроил на конструктивный, рабочий, заинтересованный лад.

Особенно явственен в коллективах православных вакуум культуры, деловых навыков и взаимоотношений. Общей жизни практически нет, потому как нет объединяющей идею и быт начала: культуры решений, поступков и отношений. Разговоры о вере, о богословии были интересны на этапе активного начального ознакомления. Остаток интересов сводится к организации подходящего, не слишком отличного от мирского «досуга», оправданного известной формулой: разве человек не имеет права немного отвлечься? Хотя вся наша действительность есть одно непрерывное «*отвлечение*» [5, с. 55]. Стояние на литургии, подготовка к исповеди и причастию, молитва до и после еды – то, что воспринимается как выполнение долга по отношению к вере, – лишь банальная цена того, чтобы считать себя «живущим духовно». Причина «условности» современной православности – в неумении и нежелании чувствовать и находить духовные смыслы в повседневных занятиях, в выполнении трудового и нравственного «урока», во взаимоотношениях с родней, коллегами, знакомыми, соседями, в отсутствии стремления жить «в любви к Богу и к ближнему своему».

Обществу как воздух необходимо возвращение здорового интереса к жизни, высокого статуса профессионального и общественного служения, семейности, наследственности, человеческих отношений [5, с. 58]. Пустота и хаос привели к духовному обнищанию, упадку религиозного духа и падению нравов, однако в целом российское общество еще не утратило своих устоев.

Практика сегодняшней жизни фиксирует мощную инерцию традиционных, выросших из христианства ценностей, в массовое сознание возвращаются установки, утверждающие превосходство духовных начал над внешним устройством жизни и неограниченным стремлением к материальным благам [8, с. 11]. Проблема – в отсутствии общепринятых ценностей как основы общественных отношений и общественного бытия. Никто не обязан разделять какие бы то ни было убеждения, но ценности, сохраненные церковью, могут и должны стать основой нравственных норм сегодняшней российской действительности.

Библиографический список

1. Дзякович Е. В. Идентичность, идентификация, инсценировка в развитии глобальных и локальных социокультурных процессов современности // Обсерватория культуры. – 2010. – № 4.
2. Каарияйнен К., Фурман Д. Е. Религиозность в России на рубеже XX–XXI столетий // Вопросы культурологии. – 2007. – № 1.
3. Колчуринский Н. Вера и разум // Православная беседа. – 2005. – № 6.
4. Лега В. Церковь и общество // Православная беседа. – 2003. – № 5.
5. Мchedlov M. P., Гаврилов Ю. А., Шевченко А. Г. О социальном портрете современного верующего // Социс. – 2002. – № 7 (219).
6. Рогозянский А. Православие и «православность» // Православная беседа. – 2004. – № 1.
7. Смирнов Д., прот. Век расслабленных // Православная беседа. – 2004. – № 5.
8. Устинов В. В. О духовно-нравственном состоянии общественной жизни // Приход. Православный экономический вестник. – 2006. – № 3.

Bibliograficheskiy spisok

1. Dzyakovich E. V. Identichnost, identifikatsiya, instsenirovka v razvitii globalnykh i lokalnykh sotsiokulturnykh protsessov sovremennosti // Observatoriya kulturyi. – 2010. – № 4.
2. Kaariaynen K., Furman D. E. Religioznost v Rossii na rubezhe XX–XXI stoletiy // Voprosy kulturologii. – 2007. – № 1.
3. Kolchurinskiy N. Vera i razum // Pravoslavnaya beseda. – 2005. – № 6.
4. Lega V. Tserkov i obschestvo // Pravoslavnaya beseda. – 2003. – № 5.
5. Mchedlov M. P., Gavrilov Yu. A., Shevchenko A. G. O sotsialnom portrete sovremennogo veruyuschego // Sotsis. – 2002. – № 7 (219).
6. Rogozyanskiy A. Pravoslavie i «pravoslavnost» // Pravoslavnaya beseda. – 2004. – № 1.
7. Smirnov D., prot. Vek rasslablennykh // Pravoslavnaya beseda. – 2004. – № 5.
8. Ustinov V. V. O duhovno-nravstvennom sostoyanii obschestvennoy zhizni // Prihod. Pravoslavnyiye ekonomicheskiy vestnik. – 2006. – № 3.

© Арцыбашева Т. Н., 2014.